

Golos Moskvii. 1912, October 7.
Голос Москвы. 1912, 7 октября.

Philharmonic.

Yesterday the Philharmonic began its series of symphonic concerts - a remarkable series, as in the previous year, with an exceptionally brilliant line-up of performers and conductors. Rachmaninoff, Mengelberg - these names can be reconciled with many things, but still one has to admit that the interest of the program itself, namely the music that we are going to hear this year in philharmonic concerts, is not at all as high as one would like.

All the names are old, all the things are well-known, many times replayed. But let them be old and replayed, and one could reconcile oneself with this, if the program had a plan, a pattern, an idea that would justify the placement of works of a certain style.

But this is not the case. The program of the first evening is completely random, a mixture of "French with Nizhny Novgorod", or, if not "Nizhny Novgorod", then St. Petersburg: Berlioz, Lalo and... Glazunov. What a strange "symphony" name!

I repeat that if it weren't for Rachmaninoff, whose performance smooths over and blurs with much that would present absolutely no interest in the interpretation of an ordinary conductor, the concert would be far from successful. But behind the conductor's podium stands a conductor who can make the most ordinary and outdated full of interest and meaning.

Rachmaninoff the conductor is an incomparably more significant phenomenon than Rachmaninoff the composer. Here he is original and powerful, and has in his manner that absolute confidence which is the sign of a talent of the first rank. But still, why did he perform Berlioz's "Fantastic Symphony", this amazingly unimaginative and anti-musical work? No interpretation, not even a brilliant one, could put musicality into the non-musical, cannot reward the composition with qualities it does not have, cannot save it from the poverty and meagreness of invention.

It's hard and dreary to listen to this enormous work. After it, even an empty Lalo concerto is a musical relief, for it is still music, albeit primitive and empty. Hekking's cello performance was very good, very confident and virtuosic, although he has much deeper musical qualities to show here.

The soloist met with great success.

Glazunov's ballet suite, a completely unsuccessful substitute for Ravel's "Spanish Rhapsody," was the only work of interest in the concert's proposed program. This suite is not considered a musical landmark.

As always with Glazunov, there is much good, beautiful music, but it is all dull and lifeless in the extreme. Good instrumentation, excellent performance—all these are factors that had a conciliatory effect on the mood. But it is still a pity that from such a great virtuoso conductor as Rachmaninoff, we hear only insignificant music. Here, in Rachmaninoff, it is clearly the virtuoso who speaks. He preferred pieces that benefit from the external appearance of the performance to things that are profound, but not "showy."

The audience is a great multitude, and the conductor's address is filled with an overwhelming ovation.

L. Sabaneev.

[Translation: Google]

Филармонія.

Вчера филармонія начала свою серію симфоніческихъ концертвъ-серію замѣчательную, какъ и въ прошломъ году, исключительно блестящимъ составомъ исполнителей и дирижеровъ.

Рахманиновъ, Менгельбергъ эти имена мо-гутъ со многимъ примирить, но все-таки приходится сознаться, что интересъ самой про-граммы, именно той музыки, которую намъ предстоитъ слышать въ этомъ году въ филармоническихъ концертахъ, вовсе не такъ вы-сокъ, какъ было бы желательно.

Все имена старыя, все вещи извѣстныя, много разъ переигранныя. Но пусть они будутъ старыя и играныя, и съ этимъ можно было бы примириться, если бы въ программѣ были планъ, законмѣрисеть, идея, рая оправдывала бы помѣщенія произведеній опредѣленнаго стиля.

Но это нѣтъ. Программа первого вечера совершенно случайная, смѣсь «французскаго съ нижегородскимъ», или, если не «нижегородскимъ», то петербургскимъ: Берлиозъ, Лало и... Глазуновъ. Какая странная «симфонія» именъ!

Повторяю, что, если бы не Рахманиновъ, исполненіе котораго сглаживаетъ и примаряетъ со многимъ такимъ, что не представило бы рѣшительно никакого интереса въ интерпретаціи рядового дирижера, то концертъ былъ бы вовсе не изъ удачныхъ. Но за дирижер-скимъ пультомъ стоятъ дирижеръ, который можетъ сдѣлать самое заурядное и устарѣлое полнымъ интереса и значенія.

Рахманиновъ-дирижеръ явленіе несрав-ненно болѣе значительное, чѣмъ Рахманиновъ-композиторъ. Тутъ онъ и оригиналень, и мощень, и имѣетъ въ своей манерѣ ту абсолютную увѣренность, которая составляетъ признакъ таланта перваго ранга. Но все-таки зачѣмъ онъ исполнялъ «Фантастическую симфонію» Берліоза, это удивительное по не-лѣжети и антимузыкальности произведеніе? Никакая, даже гениальная интерпретація не можетъ вложить музыкальности въ немузыкальное, не можетъ наградить сочиненіе неимѣющимися у него качествами, не можетъ спасти его отъ бѣдности и скудости изобрѣтенія.

Тяжело и тоскливо слушать это огромное произведеніе. Послѣ него даже пустой концертъ Лало представляетъ музыкальное от-дохновеніе, ибо все-таки это музыка, хотя и примитивная и пустоватая. Віолончелистъ Хеккингъ исполнилъ его очень хорошо, очень увѣренно и виртуозно, хотя болѣе глубокихъ музыкальныхъ качествъ ему тутъ проявить было негдѣ.

Сидистъ имѣлъ большой успѣхъ.

Балетная сюита Глазунова, совершенно не-удачно замѣнившая «Испанскую рапсодію» Равеля, -единственное сочиненіе, которое представляло интересъ въ предположенной программѣ концерта. Эта сюита не принадлежитъ къ музыкальнымъ достопримѣчательностямъ.

Какъ и всегда у Глазунова, тутъ много хорошей, общекрасивой музыки, но вся эта музыка скучна и безжизненна въ высокой мѣрѣ. Хорошая инструментовка, отличное исполненіе-все это данныя, которыя примирительно дѣйствовали на настроеніе. Но все-таки жаль, что отъ такого огромнаго виртуо-за-дирижера, какъ Рахманиновъ, намъ приходится слышать только малозначительную музыку. Тутъ въ Рахманиновѣ, очевидно, говорить именно виртуозъ. Вещи, благодарныя для внѣшности исполненія, онъ предпочелъ вещамъ глубокимъ, но не «показательнымъ».

Публики - великое множество, и по адресу дирижера обычныя нескончаемыя оваціи. Л. Сабанѣевъ.